

HARLEQUIN®

023

Маргерит Кэй
**ЛЮБЕЦА
С ЛЕДЯНЫМ
СЕРДЦЕМ**

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Маргерит Кэй
Повеса с ледяным сердцем
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 23

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5826126
Повеса с ледяным сердцем: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04333-7*

Аннотация

Последнее, что Генриетта Маркхэм помнила, – это нападение грабителя. Очнувшись, девушка обнаружила себя в кровати самого таинственного и обворожительного мужчины, которого когда-либо видела, но с которым чувствовала себя в еще большей опасности... После катастрофически неудачного первого брака Рейф Сент-Олбен, граф Пентленд, барон Джайл, сердце которого будто сковал лед, не желал признаться себе, что импульсивная Генриетта – тот человек, который снова заставил его смеяться. Когда Генриетту обвинили в краже, Рейф посчитал себя обязанным очистить ее имя. Сможет ли Генриетта поставить на колени этого бесчувственного повесу?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Маргерит Кэй

Повеса с ледяным сердцем

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Суссекс. Май 1824

Туман зарождающегося утра только начал рассеиваться, когда он повернул Тора, своего великолепного черного жеребца, в сторону дома, избрав кратчайший путь через тисовую аллею, которая граничила с английским парком имени Вудфилд-Манор. Яркие солнечные лучи раннего английского лета пробивались меж высоких деревьев, отчего трава сверкала, будто усеянная мириадами бриллиантов. Запах земли, потревоженной копытами гарцующего Тора, смешался с пьянящим ароматом жимолости, беспрепятственно струившимся среди стволов величественных тисов. Наступающее отличное утро предвещало столь же прекрасный день. Однако достопочтенный Рейф Сент-Олбен, граф Пентленд, барон Джайл и хозяин всего, что охватывал взор, совершенно не замечал красот природы, окружавших его со всех сторон. Чувственное восприятие графа притупилось после очередной бессонной ночи, а напряженная утренняя скачка отняла все силы, и теперь он думал лишь о том, как очутиться в гостеприимных объятиях Морфея.

Осадив лошадь, Рейф спешил, чтобы отпереть ворота из кованого железа, от которых дорожка, посыпанная гравием, вела напрямиком к конюшням. Высокий, хорошо сложенный мужчина и огромный жеребец эбенового цвета состав-

ляли удивительную пару. Каждый по-своему являл славный образец потомков родословных голубых кровей, отличный экземпляр с хорошо развитой мускулатурой, достигший предела физического совершенства. Кожа Рейфа сверкала здоровым блеском. Черные как смоль волосы блестели под лучами солнца, строгие очертания короткой стрижки в стиле Стенхопа¹ подчеркивали безупречный профиль. Синеватая щетина только придавала мужественности решительной линии подбородка и выгодно контрастировала с белизной зубов.

– У него байроническая внешность, – задыхаясь, характеризовала его одна влюбленная дама.

Рейф скрылся от подобного комплимента за привычным для него сардоническим смехом. Он стал самым завидным холостяком в высшем свете, благодаря красивому лицу и сказочному богатству, и даже наиболее решительные леди на выданье увядали от его ледяного взгляда и острого языка, что вполне устраивало Рейфа, поскольку он вовсе не стремился во второй раз сковать себя брачными узами. Он на всю оставшуюся жизнь был сыт по горло первым браком. В действительности он бы и не женился, даже если бы прожил несколько жизней.

– Старина, мы почти дома, – пробормотал он, похлопав жеребца по вспотевшему боку.

¹ Стенхоп Джеймс (1673–1721) – британский солдат и государственный деятель. (Здесь и далее примеч. пер.)

Тор вскинул крупную голову, выпустив через ноздри облако теплого воздуха. Как и хозяину, ему не терпелось скорее отправиться на отдых. Решив пройти пешком оставшееся до дома короткое расстояние, Рейф снял сюртук и небрежно перебросил его через плечо. Не рассчитывая встретить кого-либо в столь ранний час, он вышел из дома без шляпы, жилета и шейного платка. Белые складки льняной рубашки от пота прилипли к его спине. Открытая спереда шея обнажила негустую растительность на мускулистой груди.

Ворота легко раскрылись на хорошо смазанных петлях, и Рейф подтолкнул жеребца вперед, но Тор, фыркая, застучал копытом по траве. Рейф был не в настроении и снова потянул за поводья, на этот раз резче, но жеребец отказался сдвинуться с места и резко заржал.

– Чего ты испугался? – Внимательно осмотревшись, Рейф ожидал увидеть кролика или лису, выглядывающую из глубокой канавы, которая тянулась вдоль тропинки, но вместо этого заметил туфлю. Маленькую кожаную дамскую туфлю-лодочку, слегка потертую в месте большого пальца, надеваю на весьма изящную ножку в очень удобном шерстяном чулке. Издав тихий возглас, выразивший скорее раздражение, нежели тревогу, Рейф привязал вожжи жеребца к столбу ворот, подошел к канаве и заглянул в нее.

Растянувшись на спине, там лежала молодая женщина – либо мертвая, либо потерявшая сознание – в платье из проч-

ной коричневой шерсти с глухим воротом. Ни шляпы, ни шубки. Каштановые волосы, высвободившись из заколок, рассыпались веером и пропитались стоялой водой, отчего завивающиеся кончики почернели, образуя темный венец. Когда Рейф раздвинул траву, скрывавшую женщину, обнажилось лицо, белое как мрамор и призрачное. Со сложенными на груди руками, будто защищаясь, она казалась совсем неприметным одетым изваянием. Общее впечатление портит лишь неестественно расположенная маленькая ножка, которая с самого начала выдала ее присутствие.

Отбросив сюртук в сторону, Рейф опустил на колени у края канавы и с раздражением заметил, что вода пропитывает его бриджи. Незнакомка не подавала признаков жизни, даже веки не дрогнули. Наклонившись ниже, он осторожно опустил голову и приложил ухо к лицу женщины. Его щеки коснулось слабое дыхание, выдав первые признаки жизни. Схватив ее за тонкую руку, он, к своей радости, ощутил бие пульса, медленное, но устойчивое. Как она попала сюда? Более того, какого черта лежит в его канаве?

Рейф встал и, почти не обращая внимания на зеленые пятна на своих бриджах, увидев которые его слуга в отчаянии наверняка выразит свое недовольство, стал раздумывать, как поступить. Проще всего оставить женщину здесь, вернуться домой и прислать за ней пару работников из конюшен. Рейф оценивающе посмотрел на распростертое тело, на его хмурым лице выделялись сдвинутые брови. Как бы она здесь

ни оказалась, совесть не позволяла оставить ее без помощи. Она напоминала Офелию². И почему-то с таким наклоном маленькой ножки казалась совсем беззащитной. Как-никак она совсем крошка, и вряд ли стоило вызывать двух мужчин, ведь с ним был жеребец. Смирившись с такой мыслью, Рейф решил увезти женщину с того места, где она сейчас находилась.

– Миссис Питерс, пока все. Я позову вас, если мне еще что-то понадобится.

Эти слова прозвучали так тихо, что, казалось, их произнесли в конце длинного тоннеля, и проникли в разум Генриетты, окутанный густым туманом. Она застонала. Возникло ощущение, будто ей сдавливают череп каким-то средневековым орудием пытки. Она хотела коснуться лба, но рука не слушалась и оставалась на груди, словно придавленная тяжелой гирей. Горячие искры от резкой боли побудили Генриетту открыть глаза, но пестрота, обрушившаяся на них, заставила тотчас их закрыть. Теперь казалось, будто по голове бьют кузнечным молотом. Пульсирующая боль становилась невыносимой.

Ласковая прохлада коснулась ее лба, и боль немного стихла. Лаванда, она чувствовала запах лаванды. На этот раз, когда ей захотелось шевельнуть рукой, та послушалась. Вцепившись в мягкую повязку, Генриетта снова открыла глаза.

² Офелия – героиня трагедии Шекспира «Гамлет».

Все перед ней накренилось, комната поплыла. Она зажмурилась, затем, глубоко вздохнув и сосчитав до пяти, решительно открыла их, не обращая внимания на соблазн погрузиться в мрачное, хотя и приятное, забытье.

Накрахмаленные простыни. Пуховые подушки. Металлическая грелка с углями у ее ног. Над головой висели дамасские занавески. Она лежала в постели в совершенно незнакомой спальне. Яркий огонь пылал в современном камине, свет струился через небольшую щель в занавесках, которыми были закрыты окна. Комната, обставленная с большим вкусом. Стены выкрашены в мягкий светло-желтый цвет. Всюду темно-золотистые драпировки. На нее нахлынула страшная волна тошноты. Нельзя допустить, чтобы ее вырвало в такой чистоте. С подлинно героическим усилием Генриетта тяжело сглотнула и заставила себя сесть.

– Вы проснулись.

Она вздрогнула. Глубокий голос прозвучал обольстительно. Не оставалось сомнений, что принадлежал он мужчине. Из-за занавески, прикрывавшей постель, она его не заметила. Генриетта снова опустилась на подушки, накрылась одеялом до подбородка, осознавая, что на ней лишь нижнее белье. Мягкая повязка сползла с головы на покрывало. «Как бы не испачкать покрывало», – рассеянно подумала она.

– Не подходите ко мне, а то я закричу.

– Воля ваша, – лаконично ответил мужчина. – Я, возможно, уже сделал все, что хотел. Откуда вам знать?

– О!

Его голос звучал скорее насмешливо, чем угрожающе. Со всем сбита с толку, Генриетта глупо хлопала глазами. Но тут ее взор прояснился, и она сглотнула. Перед ней стоял высокий, смуглый и до неприличия красивый мужчина. Настоящий Адонис. Черные как смоль, коротко постриженные волосы подчеркивали безупречно симметричное лицо. Эффектно изогнутые брови. Глаза с поволокой голубоватого оттенка... а возможно, серые? Напоминают небо в грозовую ночь. Мужчина был в рубашке, не брит, однако этот чуть небрежный вид лишь подчеркивал его физическое совершенство. Она понимала, что пристально смотрит на него, но была не в силах отвести взгляд.

– Кто вы? Что делаете здесь... в этой спальне? Со мной?

Рейф лениво разглядывал девушку, попавшую в беду. Она вцепилась в простыню, будто та – последний бастион обороны, и смотрела на него. Он был всего лишь без сюртука, но ей казался полуголым. По ее лицу можно было легко догадаться, о чем она думает. Он не мог отказать себе в удовольствии поиграть ее чувствами.

– Понятия не имею. А вы?

Генриетта сглотнула. Напрашивался очевидный и весьма забавный ответ: она в одном нижнем белье, у него такой вид, будто еще не успел одеться. Или раздеться? Он говорил серьезно? Между ними ничего не произошло... или он уже *сделал* это? Дрожь, трепет от жара вынудили ее закрыть гла-

за. Нет! Она бы обязательно почувствовала *это*! Хотя Генриетта не совсем понимала, как точно истолковать «*это*», но не сомневалась, что все равно почувствовала бы. Такого мужчину не забудешь!

Значит, он дразнит ее? *Разве не так?* Она искоса взглянула на него из-под ресниц. Их глаза встретились, и она тут же отвела взгляд. Нет. Греческие боги не спускаются с небес, чтобы соблазнить пухленьких юных барышень с волосами, торчащими крысиными хвостиками, да к тому же дурно пахнущих. Генриетта осторожно втянула воздух – да, от этого запаха, отдающего стоялой водой, никуда не денешься. Боги точно так не поступают. Даже если они и имели намерения...

Когда он умышленно уставился туда, где она прижала простыню к подбородку, Генриетта почувствовала, как запылали ее щеки. Он сдвинул брови, и их взгляды встретились. Ее лицо заливалось густой краской, и казалось, будто она не выдержала какое-то безмолвное испытание и невольно пожалела об этом. Она строптиво вскинула голову:

– Кто вы такой?

Он приподнял одну бровь:

– Разве не я должен задать вам этот вопрос? Вы все же гостя в моем доме, хотя и явились без приглашения.

– В вашем доме?

– Вот именно. В моем доме. В моей спальне. В моей постели. – Рейф ждал, но, к его удивлению, барышня, видимо пусть временно, но перестала разыгрывать ложную скром-

ность. – Вы находитесь в Вудфилд-Манор.

– Вудфилд-Манор! – Так называлось огромное имение, граничившее с владениями ее хозяйки. Это огромное имение... – Боже милостивый, значит, вы тот самый граф?

– Совершенно верно. Рейф Сент-Олбен, граф Пентленд, к вашим услугам. – Рейф игриво поклонился.

Граф! И она находилась в спальне вместе с графом, который пользуется дурной славой, и хорошо поняла, осознала причину скандальной репутации. Генриетта вцепилась в одеяла, точно в спасательный плот, борясь с желанием натянуть их себе на голову и зарыться в роскошную мягкую перину.

– Милорд, я рада знакомству с вами. Меня зовут Генриетта Маркхэм. – Она вдруг поняла всю нелепость сложившейся ситуации, одновременно чувствуя неуместное желание расхохотаться. – Вы уверены, что вы тот самый граф, только... нет, разумеется, если вы утверждаете, значит, это правда.

Губы Рейфа дернулись.

– Я точно знаю, кто я такой. Что заставляет вас сомневаться в этом?

– Ничего. Только... ну, я не ожидала... ваша репутация, понимаете... – Генриетта почувствовала, что ее лицо заливает краска.

– О какой репутации идет речь?

Конечно, он хорошо знал ответ, но будет забавно услышать, какими именно словами она охарактеризует его. Было в ней что-то такое, из-за чего ему хотелось совершить нечто

неожиданное. Смутить ее. Наверное, причиной тому ее глаза цвета корицы, широко поставленные, смотревшие прямо. А может, они были кофейного цвета? Он не очень хорошо разглядел их. Возможно, они шоколадные?

Рейф беспечно уселся на край постели. Глаза Генриетты Маркхэм округлились, но она не отодвинулась, как он ожидал. Между ними оказалось достаточно большое расстояние, хотя оно могло показаться и слишком, и не слишком заметным. Он увидел, что ее грудь под одеялом стала подниматься и опускаться быстрее.

Она не была красавицей по общепринятым меркам. Коротышка. Даже обладая богатым воображением, ее нельзя было назвать тонкой и гибкой, как тростинка. Слишком большой рот, слишком прямые брови и недостаточно прямой нос, хотя и безупречная кожа. Однако сейчас, когда ее щеки слегка порозовели, она больше не напоминала мраморное изваяние и была... нет, не то чтобы красивой, но точно волнующей и привлекательной.

– Что, мисс Маркхэм, никак не подберете нужных слов?

Генриетта облизнула губы. Она ощущала себя мышкой, с которой играет кошка. Даже не кошка. Более опасный хищник. Он положил ногу на ногу. У него длинные ноги. Если бы она сидела на его месте, ее ноги не доставали бы до пола. Генриетта не привыкла сидеть так близко к мужчине. И никогда не сидела... ни в кровати... нигде! Это... ей стало трудно дышать. Генриетта не испугалась, но ей стало не по

себе. А что, если он именно этого добивается? Она выпрямилась, поборов желание перевернуться на другую сторону постели, и смутилась, когда вдруг захотела... оказаться в опасной близости... придвинуться к нему. Генриетта решила, что не позволит ему взять верх над собой.

– Вы наверняка очень хорошо знаете, что о вас ходит дурная слава, – сказала она почти ровным голосом, отчего почувствовала себя лучше.

– Чем же именно я заслужил это?

– Ну, говорят, что... – Генриетта осеклась, обнаружив, к своему удивлению, что не может найти подходящих слов. На коленях его бриджей виднелись пятна от травы. Она поймала себя на том, что не может оторвать от них взгляд. Интересно, как эти пятна образовались, не связаны ли как-то с ней? Поняв, что он заметил ее откровенный взгляд, она вновь покраснела и продолжила: – Попросту говоря, ходят слухи, что вы... только я думаю, что это глупости, ведь вы не можете быть таким плохим, как... в любом случае вы вовсе не похожи на тех, кого я представляла в своем воображении, – проговорила она в растерянности.

– Я не похож на тех, кого вы представляли? – спросил Рейф, едва сдерживая смех.

Генриетта сглотнула. Ей не нравилось, как он смотрит на нее. Оценивающе, если можно так сказать. Генриетта встревожилась, поскольку никак не могла найти подходящих слов. Она упрекала себя за столь нелепый ответ, но его мужское

существо подавляло ее. Он сидел на кровати слишком близко к ней, так близко, что ее тело покалывало от сознания его близости. Она с трудом поборола желание оттолкнуть его. Или это лишь повод, чтобы коснуться его? Эти черные волосы. Казалось, они окажутся мягкими как шелк, если прикоснуться к ним. В отличие от щетины, которая на ощупь, скорее всего, шершавая.

– На повесу, – выпалила Генриетта, совершенно сбитая с толку своей реакцией.

Это слово резануло слух. Рейф встал.

– Простите, как вы сказали?

Она захлопала глазами, чувствуя тепло его присутствия и одновременно облегчение от того, что он отдалился, ибо выражение его лица чуть изменилось, стало холоднее. Отстраненное, будто между ними выросла стена. Генриетта слишком поздно сообразила, что называть кого-то повесой, даже если это и правда, не совсем тактично. Она смущенно поежилась.

– Умоляю вас, мисс Маркхэм, просветите меня, скажите, как именно выглядит повеса?

– Ну, я точно не знаю, хотя полагаю, он даже отдаленно не так хорош собой, – выпалила Генриетта первое, что взбрело ей в голову, чтобы сгладить собственную оплошность. – К тому же он старше, – продолжала она, не в силах вынести затянувшееся молчание, – и, вероятно, у него более аморальная внешность. Распутная. Хотя, честно говоря, я не со-

всем представляю, как выглядит распущенность. Только у вас внешность не такая. То есть вы не похожи на распутника, – заключила она.

И утихла, когда заметила, что не только не умиротворила графа, а, наоборот, нанесла оскорбление. Он сдвинул брови, что придавало ему по-настоящему грозный вид.

– Очевидно, мисс Маркхэм, вы тонкий знаток, – насмешливо заметил Рейф. – Вам это известно из собственного опыта?

Рейф прислонился к спинке кровати. У него были очень широкие плечи. Мощные плечи. Она подумала, что он, наверное, занимается боксом. Ее лицо сейчас оказалось на уровне его груди, которая даже под рубашкой выглядела очень мощной.

Генриетта прикусила нижнюю губу и крепилась изо всех сил, не позволяя себя запугать. Чтобы не смотреть на его грудь, ей пришлось вытянуть шею и встретиться с ним взглядом. Теперь его глаза были не голубыми, а аспидно-серыми. Генриетта снова сглотнула, пытаясь вспомнить, о чем именно он ее спрашивал. Да-да, речь шла о повесах.

– По личному опыту. Да. Я хотела сказать, нет. По крайней мере, насколько мне известно, раньше я сама не встречала ни одного повесы, но мама говорила, что... – Генриетта снова умолкла, поняв, что маме вряд ли захотелось ворошить прошлое. – Я сама видела последствия их деяний, – добавила она. Ее голос звучал крайне настороженно, что неудиви-

тельно, ведь граф навис над ней, точно ангел-мститель. Генриетта оцетинилась. – В приходской богадельне.

Выражение его лица мгновенно изменилось, теперь он больше напоминал дьявола, нежели ангела.

– Если вы имеете в виду, что у меня куча незаконных детей, которые бродят по окрестности, то сильно заблуждаетесь, – ледяным тоном проговорил он.

Генриетта вздрогнула. По правде говоря, о нем Генриетта ничего подобного не слышала, хотя, конечно, это не означало... но у Рейфа настолько сердитый вид, что он вряд ли лгал.

– Так я вам и поверила, – недоверчиво сказала она. – Но я не хотела сказать...

– И тем не менее, мисс Маркхэм, вы это сказали. Мне обидно.

– Довольно логичное предположение, учитывая вашу репутацию, – возразила она, оказавшись прижатой к стене, к чему совсем не привыкла.

– Не следует строить предположения, не зная всех фактов.

– Каких фактов?

– А вы заметили, что лежите в моей постели в одном нижнем белье, не изнасилованная и не ограбленная?

– Правда? Нет. Конечно, это правда. Я хотела спросить... в таком случае, вы хотите сказать, вы не повеса?

– Мисс Маркхэм, раз уж на то пошло, я не собираюсь оправдываться ни перед вами, ни перед кем бы то ни было, –

ответил Рейф, сменив добродушие на гнев.

Возможно, он и повеса, хотя это определение ему не по душе, но уж никак не распутник. Намек на то, что он безоглядно плодит детей ради собственного удовольствия, был ему особенно противен.

Он гордился тем, что следовал строгим правилам и имел дело с женщинами, которые знали эти правила и не возлагали на него никаких надежд. Во время любовных свиданий он удовлетворял не эмоциональные, а физические потребности. Невинным девам, даже если те лежали в его постели полуобнаженными, ничто не угрожало. Но он не собирался это обсуждать с ней, наивной женщиной.

Генриетта прижалась к подушке. Перемена настроения застала ее врасплох. Если граф – повеса, как утверждали многие, почему же он так обиделся? Хорошо известно, что все повесы беспринципны, беспутны, безответственны...

Ее путанные мысли, совершив полный круг, застопорились. Все возможно, но с ней он ничего... хотя мог просто воздержаться, не найдя ее достаточно привлекательной? Странно неприятная мысль. К тому же нелепая! И почему ее должно волновать то, что мужчина с дурной славой даже не попытался ее соблазнить? Тут Генриетта опомнилась.

– Как я оказалась в вашей... я имею в виду, в этой постели? – спросила она, с некоторым облегчением ухватившись за этот интересный и еще не нашедший ответа вопрос.

– Я нашел вас без сознания. Сначала подумал, что вы

мертвы. Мисс Маркхэм, вопреки тому, что вы воображаете, я предпочитаю завоевывать женщин в здравом уме, твердой памяти и с их согласия. Можете не волноваться, я не пытался надругаться над вами. Если бы это произошло, вы так просто не забыли бы подобное приключение. Это еще одна черта моего характера, которой я горжусь, – насмешливо сказал Рейф.

Генриетта поежилась. Она нисколько не сомневалась, что он имел право гордиться своими подвигами. Выражение его лица подсказало ей, что он снова прочитал ее мысли. Снова она опустила глаза, теребя украшенный фестонами край простыни.

– И где же вы нашли меня?

– В канаве. Я вытащил вас оттуда.

Эти слова так поразили Генриетту, что она уронила одеяла, прикрывавшие ее скромность.

– Боже мой! Это правда? – Она быстро села, совсем забыв про головную боль, затем тихо простонала и опустилась на подушки, когда боль настигла ее. – Где? – тихо спросила она. – Я хотела спросить, где находится канава?

– На территории моего имения.

– Но как я там оказалась?

– Я надеялся, что вы мне ответите на этот вопрос.

– Вряд ли я смогу ответить. – Генриетта осторожно коснулась затылка, где вскочила большая шишка. – Кто-то ударил меня. – Она поморщилась, вспомнив об этом. – Сильно

ударил. Зачем он так поступил?

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил Рейф. – Наверное, тот, кто это сделал, нашел ваши суждения утомительными. – Обиженное выражение ее лица не принесло Рейфу обычного удовлетворения, какое он испытывал, когда какая-нибудь его меткая колкость достигала цели. Сейчас он испытал нечто вроде угрызений совести. К тому же она сильно побледнела. Наверное, миссис Питерс права, ему следовало вызвать местного лекаря. – Если не считать удара по голове, как вы себя чувствуете?

– Я чувствую себя неплохо, – ответила Генриетта, безуспешно пытаясь не выдавать голосом своего раздражения. – По крайней мере, надеюсь, что скоро мне станет хорошо. Вам не стоит слишком беспокоиться.

Рейф вел себя нелюбезно. Но она ничего не сказала, и это почему-то обеспокоило его. Генриетта Маркхэм, скорая на суждения, могла и уколоть его, однако не капризничала.

Рейф вспомнил изгибы ее тела, когда прижимал ее к себе, вытаскивая из канавы. Его раздражало, что он невольно вспомнил все столь отчетливо. Почему?

– Вы, конечно, можете оставаться здесь до тех пор, пока не придете в себя, – сказал он. – Но сейчас мне хотелось бы узнать, кто именно ударил вас и, что еще важнее, почему вас бросили на моей земле.

– В действительности вы жалеете о том, что меня не бросили в таком месте, где вы не наткнулись бы на меня? – спросил

сила Генриетта.

Она ахнула и зажала рот, но поздно – слова уже слетели с ее уст.

Рейф рассмеялся. Не смог удержаться. Она странным образом забавляла его, хотя смех прозвучал неестественно. Рейф догадался, почему ему так показалось – он уже давно не слышал собственный смех.

– Да, вы совершенно правы, – ответил он. – Я обрадовался бы, увидев вас у врат ада, но вы оказались здесь.

Его смех зазвучал приятней. Граф говорил неприветливо, но, по крайней мере, не кривил душой. Ей это понравилось, и она робко улыбнулась.

– Я бы не стала говорить столь откровенно.

– Мисс Маркхэм, вы ужасная лгунья.

– Знаю. Я хотела сказать... о боже.

– Кто роет другому яму, сам в нее попадает. Думаю, ваши слова можно истолковать именно так.

Боль сжимала ей голову, заставляя морщиться.

– Не в бровь, а в глаз, милорд. Вы хотите, чтобы я исчезла. Понимаю, вас ждут дела. Если вы дадите мне время прийти в себя, я так и поступлю.

Генриетта страшно побледнела. Рейф сжалился над ней. Ни она, ни он не были виноваты в том, что она оказалась у порога его дома.

– К чему такая спешка? Думаю, если вы перекусите, почувствуете себя немного лучше. Возможно, тогда и вспом-

ните, что с вами случилось.

– Я и так доставила вам массу неудобств, – робко отозвалась Генриетта.

Снова его губы дернулись.

– Вы такая же незадачливая притворщица, как и лгунья. Будет вам, я хотя бы накормлю вас завтраком, прежде чем вы уйдете. Вы в состоянии встать с постели?

Граф не улыбался, но его лицо утратило суровое выражение. К тому же Генриетта проголодалась как волк. Она стоически ответила, что непременно встанет, хотя от этой мысли ее замутило. Граф уже направлялся к двери.

– Милорд, прошу вас, подождите.

Пытаясь остановить его, она от волнения уронила простыню. На ней была сорочка из прочного белого хлопка. Длинные локоны каштановых волос опустились на белые плечи. Он четко разглядел выпуклость ее спелых грудей, не сдерживаемых корсетом, и с трудом отвел взгляд.

– Да?

– Моя одежда, где она?

Заметив, что уронила простыню, Генриетта завернулась в нее до самого подбородка, твердя себе, что нет причины стыдиться того, что ее увидели в простой сорочке из белого хлопка, которая хотя бы чистая. Правда, она невольно пожалела, что сорочка слишком проста.

– Вас раздела моя экономка, – ответил граф на ее невысказанный вопрос. – Ваша одежда промокла до нитки, мы не

хотели, чтобы вы схватили простуду. Я одолжу вам кое-что из одежды, пока не высохнет ваша.

Вскоре граф вернулся с большим явно мужским халатом, положил на кресло и сообщил, что завтрак подадут ровно через полчаса, после чего решительно широким шагом вышел из комнаты.

Генриетта устала на закрытую дверь. Она так и не поняла его намерений. Хотел ли он, чтобы она осталась или ушла? Она его забавляла? Выводила из себя? Привлекала? Раздражала? Или совсем не интересовала? Она не знала ответов.

И не следовало рассуждать о его репутации. Хотя граф ничего не отрицал, Генриетта поняла, сколь неотразимым он может оказаться благодаря сочетанию внешности и чего-то неуловимого, вызывавшего дрожь. Будто он обещал то, чего не следовало желать. И единственный, кто мог сдержать обещание. Наверное, повесы все-таки подлецы. Тем не менее Рейф Сент-Олбен не похож на подлеца. Повесы плохие люди, но разве он не сделал доброе дело, спасая ее?

Генриетта нахмурилась. «Очевидно, дело в том, что повесы ловкие обманщики, иначе как же они добивались таких успехов?» – размышляла она. Значит, хорошо, что он не воспользовался ее беспомощностью? Она не могла прийти к определенному мнению. Но точно знала одно – ему очень хочется избавиться от нее. Генриетта с трудом сдерживала обиду.

Наверное, ему тоже интересно узнать, как она попала в его имение. Осторожно трогая болезненную шишку на голове, подумала, что ей самой неплохо бы прояснить этот вопрос. Вчера вечером. Вчера вечером. Что произошло вчера вечером?

Сбежала эта проклятая собака леди Ипсвич. Генриетта осталась без ужина, пока искала ее. Неудивительно, что она так проголодалась. Она нахмурилась, зажмурила глаза и, не обращая внимания на головную боль, попыталась вспомнить, что делала вчера. Вышла через боковую дверь. Оказалась в огороде. Обошла одну сторону дома. Затем...

Этот вор-взломщик! «О боже, вор-взломщик!» В голове все прояснилось, точно с поверхности воды сошла рябь и обнажила четкое отражение. «Боже мой. Леди Ипсвич, наверное, волнуется, не зная, что со мной случилось».

Генриетта осторожно выбралась из роскошной кровати и посмотрела на часы, стоявшие на каминной полке. С трудом рассмотрела циферблат. Девятый час. Она раздвинула занавески и заморгала, когда солнечные лучи больно ударили ей в глаза. Уже утро. Она провела здесь всю ночь. Ее спаситель, наверное, встал очень рано. Обретя способность думать, Генриетта поняла, что граф вряд ли вообще ложился спать.

Не иначе, распутничал! Однако круги под его глазами свидетельствовали не только о физической усталости. Рейф Сент-Олбен был похож на человека, которому не спится.

«Неудивительно, что он раздражен», – снисходительно подумала Генриетта. Встреча с незнакомой женщиной, потерявшей сознание, выведет из равновесия кого угодно, особенно если вышеупомянутая незнакомка похожа на... на... на кого же она была похожа?

На витиевато инкрустированном комодe перед окном стояло зеркало. Генриетта осторожно посмотрела на себя. Она была бледнее обычного, полоса грязи запеклась на щеке, на голове красовалась шишка величиной с яйцо. В целом же она выглядела почти так же, как всегда. Рот несколько не напоминал розовый бутон. В бровях ни намек на изгиб. В чересчур кудрявых волосах царил полный беспорядок. Карие глаза.

Такой она себя увидела в зеркале. Более того, во власти вышеупомянутой миссис Питерс оказалось ее коричневое платье.

Генриетта тяжело вздохнула. Папа постоянно напоминал о том, что многие люди выглядят значительно хуже, но от этого легче не становилось. Не то чтобы она была недовольна, но иногда ей в голову невольно закрадывалась мысль о том, что судьба могла проявить к ней большую щедрость. Правда, она не представляла, в чем эта щедрость должна выражаться.

– Тебя стукнули по голове, бросили на произвол судьбы, но на помощь пришел потрясающе красивый граф и спас тебя. Чем не настоящее приключение? – обратилась она к сво-

ему отражению в зеркале. — Даже если он не очень приветлив, повеса с вспыльчивым нравом и сомнительной репутацией.

Когда часы на каминной полке пробили четверть, она вздрогнула. Не стоит брать грех на душу, заставляя графа ждать, пока она выйдет к завтраку. С этой мыслью она торопливо вылила воду из кувшина, стоящего на тумбочке, в китайскую чашу, расписанную красивыми цветами, и принялась смывать с лица следы грязи.

Она причесала и заколола волосы, завернулась в элегантный хозяйский халат из темно-зеленой парчи, украшенный золотистыми застежками из тесьмы. И хотя завернула манжеты, крепко затянув пояс, халат закутал ее всю и шлейфом тянулся позади нее. Ее тревожила мысль о том, что материал, прилегавший к ее коже, касался и его обнаженного тела. Она пыталась не думать об этом, что удавалось с трудом.

Спотыкаясь, Генриетта почти вовремя вошла в небольшую столовую. Она нервничала. Увидев, что стол накрыт на двоих, она заволновалась еще больше. Никогда раньше она не завтракала наедине с мужчиной, не считая, конечно, дорогого папочку, но это не в счет. Было очень неловко, в то же время она мучительно думала о своем теле, скрытом лишь нижним бельем и огромными складками халата.

Похоже, граф сначала не заметил ее, меланхолично уставившись в пространство. Его одолевали мрачные думы. Сей-

час он был особенно привлекателен, побрившись и переодевшись. На нем были чистая рубашка и новый галстук, светло-желтые панталоны в обтяжку и начищенные сапоги, темно-синий утренний фрак ладно облегал фигуру. В этом туалете он больше всего напоминал графа с грозным видом. К тому же он смотрелся еще красивее. Пульс Генриетты участился, она выдавила робкую улыбку, присев не в самом элегантно-реверансе.

– Милорд, должна извиниться за свою небрежность. Я еще не отблагодарила вас должным образом за свое спасение. Я очень обязана вам.

Ее голос отвлек Рейфа от мыслей о прошлом, в которое он углубился. Будь проклят этот титул и потребность в наследнике! Кого, кроме его бабушки, действительно волновало то, что титул унаследует какой-нибудь безвестный третий кузен во втором колене? Если бы только она знала, чего это ему стоило, то скоро перестала бы напоминать об этом. Граф взглянул на Генриетту, все еще робко улыбающуюся ему. Протянув руку, поддержал ее.

– Надеюсь, мисс Маркхэм, вам уже лучше. В моем халате вы очень привлекательны. Он вам идет.

– Со мной все в порядке, – ответила Генриетта, обрадовавшись тому, что граф поддержал ее, когда она выпрямлялась после реверанса. У нее закружилась голова. – Что же касается халата, вы очень любезно соврали, я-то знаю, что выгляжу ужасно.

– Ужасно привлекательно, я бы сказал. Вы должны мне верить, ведь я в некотором роде считаюсь знатоком в подобных вопросах.

Затравленный взгляд сменился улыбкой, едва коснувшейся уголков его губ.

– Похоже, я наконец-то вспомнила, что случилось со мной, – заметила Генриетта.

– Да? – Рейф встряхнул головой, отгоняя призраков, которые наседали на него. – С этим можно подождать. Для начала вам надо поесть.

– Я *действительно* голодна... осталась без ужина из-за одной собаки.

Рейф громко рассмеялся второй раз за утро. На этот раз его смех не казался таким злым.

– Что ж, с радостью сообщаю, здесь нет собак, из-за которых вы можете лишиться завтрака, – заметил он.

В халате Генриетта Маркхэм смотрелась привлекательно. Он раскрылся у шеи, обнажив слишком большой участок груди кремового цвета, которую она должна скрывать в корсете. Но в целом у девушки был такой вид, будто она только что свалилась с его кровати. Что в некотором роде соответствовало действительности. Рейф поймал себя на том, что пялится на нее, и отвел взгляд, расстроившись от нахлынувшего неожиданного чувства, отдаленно напоминающего возбуждение. Правда, он обладал счастливой способностью как возбуждать, так и подавлять желание.

Рейф помог ей сесть, сам устроился напротив, решительно глядя к себе в тарелку. Он накормит Генриетту, выяснит, откуда она, и тотчас отправит назад. Затем ляжет спать, после чего вернется в город. Встречу с бабушкой невозможно откладывать бесконечно. При этой мысли он впал в мрачное, сродни серому и тяжелому ноябрьскому небу, настроение.

Он не будет думать о ней. Нет необходимости. Во всяком случае пока, и можно переключить внимание на приятную Генриетту Маркхэм, сидящую напротив, облачившись в его халат. Вот сейчас она расскажет, что с ней произошло. Рейф налил ей кофе и положил в тарелку большую порцию яичницы с беконом, бутерброд, себе же налил кружку пива, дополнив порцией бефстроганов.

– Ешьте, а то упадете в обморок от голода.

– Выглядит аппетитно, – отметила Генриетта, радостно глядя на полную тарелку.

– Это всего лишь завтрак.

– Никогда не ела такого хорошего завтрака, – весело призналась она, одновременно приказав себе: «Много не болтай!» Она вообще не относилась к числу тех, кто долго и нудно говорит, но этим утром почему-то стала именно такой. Очевидно, подводили нервы. Но она и нервам не позволяла влиять на свое поведение. Хотя этим утром душевное равновесие ей явно изменило. Виной всему этот мужчина – смущал, говоря насмешливо о том, что хороший завтрак остынет, если она не перестанет занудствовать и не приступит к

нему. Виноваты обстоятельства. И этот халат.

Генриетта взяла вилку. Интересно, он дразнится или считает ее совсем глупой? Справедливости ради стоит отметить, что сегодня она не на высоте, ведет себя как идиотка. Граф очень прозрачно дал это понять, и она почувствовала себя таковой. Отведав кусочек вкусной яичницы, она тайком смотрела на него из-под ресниц. В ярком утреннем свете, проникавшем через окно, черные круги у него под глазами проступили отчетливей. Напряженное лицо. Граф был взвинчен. Казалось, он даже улыбается ради приличия. Явно не в самом благодушном расположении.

Она не понимала причину, у него ведь всего гораздо больше, чем у других. Генриетте очень хотелось спросить его об этом, однако, еще раз взглянув в его лицо, она так и не решилась. Пришла к выводу, что граф Рейф Сент-Олбен совершенно непроницаем. Хотя и понятия не имела, о чем он думает. Она, что было ей несвойственно, промолчала. Съела еще кусочек и отрезала немного бекона.

Еле заметная дрожь от охватившего волнения смешалась со страхом, отчего шея покрылась гусиной кожей. Да, граф не страшен, а страшно привлекателен. Генриетта была зачарована и напугана, как кролик, которому протягивают особенно вкусное угощение, хотя он и знает, что это приманка. Она задумалась, а так ли уж репутация Рейфа Сент-Олбена заслуженна. Правда, если он решит что-либо предпринять, ей будет трудно воспротивиться этому.

Генриетта снова вздрогнула и мысленно приказала себе не поддаваться столь глупым мыслям. Граф не станет строить планы относительно нее! Даже если и имеет некие виды. Зная породу мужчин, к которой тот принадлежал, она отлично понимала, что без труда устоит перед ним. Хотя он пока ничего не предпринимал и вряд ли предпримет.

И нет смысла попусту тратить время на подобные мысли. Гораздо важнее подумать о событиях прошлого вечера, коль скоро она их вспомнила. Но сейчас – поесть! Иначе ее одолеет обморок, чего Генриетта, гордившаяся своим прагматизмом, не могла допустить. Она решительнее принялась за завтрак.

Глава 2

Когда оба покончили с завтраком, Рейф встал. – Возьмите кофе. Сядем у камина, там уютнее. И вы сможете рассказать мне, что с вами стряслось.

Неловко расправляя множество шелковых складок кресла с подголовником, Генриетта повиновалась. Рейф Сент-Олбен уселся напротив, грациозно пристроил ноги в сапогах, перекинув одну через другую. Она заметила, как играют мышцы под плотно прилежавшим материалом вязаных панталон. Предательская ткань не пошла бы более крупному мужчине. Или более худому. Словом, тому, кто сложен не так хорошо.

– Я гувернантка, – начала Генриетта, думая о том, что так скорее отвлечет расстроенные мысли от мускулистых ног, – детей леди Ипсвич, чьи земли соседствуют с вашими.

– Это так, но мы не общаемся.

– Почему?

– Это не относится к делу.

Любой испугался бы его тона, но у Генриетты проснулось любопытство, и она забыла обо всем.

– Но вы ведь соседи. И должны... не потому ли это, что она вдова? Наверное, вы общались, когда ее муж был жив?

– Лорд Ипсвич почти ровесник моего отца, – резко ответил Рейф.

– Тогда он, вероятно, был намного старше своей жены. Я не знала. Я всего лишь предположила...

– Ну да, и это у вас вошло в привычку, – насмешливо заметил Рейф.

Генриетта с надеждой взглянула на него. Его смутил ее взгляд широко открытых глаз. Генриетта решительно сжала губы. Рейф глубоко вздохнул – не привык к столь настойчивому допросу.

– Можно сказать, его светлость ушел из жизни при несколько сомнительных обстоятельствах, и я решил прервать знакомство с его вдовой.

– Правда?

– Правда, – ответил Рейф, жалея о том, что вообще заговорил на эту тему. Это наивное существо явно не в курсе захватывающего прошлого своей хозяйки, а у него не было намерений углубляться в подробности. – Как вы оказались на службе у Хелен Ипсвич? – спросил он, отвлекая ее от прежней темы.

– В журнале «Леди» появилось объявление. Как раз в то время я искала работу, и мама сказала, что это семейство вполне респектабельно. Я предложила свои услуги.

– Срок вашей прежней работы истек?

– О нет. Это мой первый опыт в должности гувернантки, и, надеюсь, не последний, – ответила Генриетта, доверчиво улыбаясь. – Видите ли, я собираюсь стать учительницей и хочу приобрести практический опыт, прежде чем откроется

школа. – Ее улыбка угасла. – Хотя, судя по тому, что пишет мама, это случится не очень скоро.

– Ваша мать открывает школу?

– Мама и папа вместе... – Генриетта нахмурилась. – По крайней мере, они так задумали, хотя, должна признаться, им обычно не удается осуществлять свои планы. Школа должна открыться в Ирландии. Это благотворительный проект для бедных. Мой папа большой филантроп.

Генриетта ждала ответа с надеждой, но граф Рейф Сент-Олбен, видно, не горел желанием обсуждать призвание отца.

– Намерения у него самые лучшие, но, боюсь, он весьма непрактичен. Отец больше заботится о душе, нежели о теле, и никак не может понять, что у бедняков, кроме нужды в средствах к существованию и тепле, есть более важные потребности, чем духовное здоровье. Они вовсе не стремятся к чему-то более возвышенному. Например, к статуям святого Франциска. Или выделке гобеленов с целью прославить жизнь святого Антония – он, знаете, покровитель бедных. Я говорила папе, что их лучше занять изготовлением одеял, – безрадостно говорила Генриетта, увлекшись своими обидами и забыв, что очень много говорит, – но он отнесся к моему мнению неодобрительно. Разумеется, мама приняла его сторону. Мама считает, что главное – отвлечь бедняков от проблем, однако, честно говоря, не понимаю, чем можно отвлечь человека, если он голодает или беспокоится, ожидая рождения еще одного ребенка, в то время как не спосо-

бен прокормить пятерых остальных? В этих обстоятельствах меньше всего думаешь о том, чтобы вышивать образ святого Антония, совершающего паломничество в Португалию!

– Думаю, большинство бедняков даже не знают, где находится Португалия, – язвительно заметил Рейф. Ее папа и мама напоминали ему благодетелей той породы, которую он презирал.

– Вот именно, – горячо согласилась Генриетта. – Даже если бы они знали... вы смеетесь надо мной?

– А вы против?

– Нет. Только, думаю, я не сказала ничего смешного.

– Смешно, как вы это сказали. Очень серьезно.

– Я должна выговориться, иначе меня никто не услышит.

– Значит, пока мама и папа молятся за души, вы готовите суп... я правильно понял?

– В том, что я практична, нет ничего плохого.

– Совершенно верно. Если только в этом мире было бы больше супа и меньше проповедей...

– Мои родители желают добра.

– Не сомневаюсь. Только хочу заметить, что желать и делать добро – не одно и то же. Я встречаю множество подобных людей и...

– Не знала, что вы слывете филантропом.

– Нет, как вы уже сказали, – холодно ответил Рейф, – моя репутация главным образом связана с распутством. Теперь вы скажете, что одно исключает другое.

– А разве не так? – строго спросила Генриетта. Заметив, что его лицо вновь напряглось, она заколебалась. – Я хочу сказать, что слыть повесой – значит быть безнравственным и... – Она осеклась, когда лицо Рейфа застыло. – Знаете, я, должно быть, немного отклонилась от темы. Вы хотите сказать, что занимаетесь благотворительностью?

Ее голос звучал неестественно. Рейф подумал, что ему наплевать на ее мнение.

– Я хочу сказать, что мир не состоит из черно-белых тонов, как считают ваши родители. – Рейф затеял собственный проект в районе Святого Николая, что имело для него исключительно большое значение, но он не считал его благотворительностью. Граф сдержался с трудом. Что такого в этой обольстительной женщине, что постоянно задевает его за живое? – Вы начали рассказывать о школе, которую ваши родители собираются открыть.

– Да. – Генриетта с опаской взглянула на него. – Я сказала что-то такое, что обидело вас?

– Так что с этой школой, мисс Маркхэм?

– Ну, если... когда... она откроется, я собираюсь внести свою лепту, став преподавателем. Буду вести полезные уроки, – добавила она, с содроганием вспомнив учебный план матери.

– Уроки, подобные тем, что преподаете щенкам миссис Ипсвич?

– Они не щенки, – с негодованием ответила Генриетта. –

Они просто резвые мальчишки. Уверена, вы были таким же в их возрасте и охотнее скакали на коне, нежели сидели за партой, но...

– В их возрасте отец охотно поощрял меня к верховой езде и не обращал внимания на занятия, – сухо ответил граф. – Моя склонность утыкаться носом в книгу ему была страшно не по душе.

– Боже мой, вы грызли науку?

– Ах да, это же еще одна позиция, которая, по вашему мнению, несовместима со статусом повесы?

И Рейф снова повеселел. Генриетта не попевала за скачками его настроения, но невольно отозвалась на его слабую улыбку.

– Не вдаваясь в подробности, что вам весьма по душе, скажу: мне нравится работа гувернантки и мне нравятся мальчишки, даже если их мама немного... ну... своевольна. И дело не в том, что я не так уж часто вижу ее, ведь гувернантки не заслуживают большого внимания. Как бы то ни было, я не сомневаюсь, что найдутся хозяева и похуже. Мальчишки меня действительно любят, и если... когда... школа откроется, уверена, подобный опыт придется очень кстати. Это должно случиться месяца через три, к тому времени моих нынешних подопечных поместят в закрытое учебное заведение, так что, надеюсь, они не слишком будут скучать по мне. По крайней мере, не так, как я буду скучать по ним.

– С этим мне остается лишь согласиться. Знаю по соб-

ственному опыту, что маленькие мальчики недолго хранят преданность.

– Вы так считаете? – веселее спросила Генриетта. – Думаю, это хорошо, не хотелось бы, чтобы они слишком сильно привязались ко мне. У вас уже имеется опыт в подобных делах? У вас есть братья?

– Нет.

Рейф снова нахмурился, его лицо стало бесстрастным.

– Я так понимаю, что жизнь в качестве гувернантки у миссис Ипсвич оправдала ваши ожидания?

– Да, эта должность замечательно оправдала цель.

– Вам очень везет. А сейчас, если не возражаете, вернемся к более важной теме – к тому, как вы оказались в канаве, после чего вы сможете вернуться к обязанностям, которые приносят вам такую радость.

– Это правда. Мальчики радуют меня. – Правда, мысль о том, что придется вернуться к миссис Ипсвич, представлялась теперь не столь привлекательной, как поначалу. Наверное, сказалось еще одно качество повесы – соблазнять и прививать желание проводить время в его обществе. Генриетта выпрямилась и потянула пояс халата. – Хорошо, вернусь к теме, как вы того желаете. Вчера вечером... Так вот, прошлым вечером меня ударил по голове какой-то вор-взломщик.

– Вор-взломщик!

Обрадовавшись реакции графа, оказавшейся на этот раз

именно такой, как ожидалось, она энергично закачала головой:

– Да. Совершенно верно. По крайней мере, – добавила она с наивной уверенностью, – я почти уверена, что этот человек был вором-взломщиком, хотя не заметила, чтобы он украл что-либо. Видите ли, я искала эту ужасную собаку миссис Ипсвич.

– Собаку, из-за которой остались без ужина?

– Ту самую. Услышав шум со стороны кустарника, я отправилась взглянуть, в чем дело, думала, там сидит Принцесса – так зовут эту собаку, – и тут до меня донесся звон бьющегося стекла. Я подняла фонарь и на долю секунды четко разглядела его, но он бросился на меня и ударил по голове. После этого я опомнилась в вашей постели.

Рейф задумчиво качал головой.

– Как-то нелепо. Даже если это был вор-взломщик, какой толк тащить вас с собой? Чтобы усадить бездыханное тело на лошадь, требуются усилия и время.

Генриетта залилась краской.

– Вы хотите сказать, что я не столь легка, как пушинка?

– Я совсем не это имел в виду. Почему-то женщины считают, что суть красоты в том, чтобы быть тонкой как щепка. Мужчины придерживаются противоположного мнения. Я нахожу вашу фигуру отрадой для глаз. – Рейф не слыл щедрым на комплименты юным леди из опасений быть понятым превратно. Но Генриетта Маркхэм отличалась от любой зна-

комой ему девушки, и он не думал о том, какое впечатление произведут его слова. – Усадить вас на мою лошадь не составило большого труда. Я лишь подумал, что это было бы трудно некрепкому или пожилому мужчине.

«Или мужчине, не обладающему такими мышцами», – подумала Генриетта, задержав взгляд на его мощной фигуре. До сих пор она даже не задумывалась о том, как именно граф вытащил ее из канавы. Тащил ли ее за руки или за ноги? Прижал ее к себе или, может быть, перебросил через плечо? А она? Лежала ли на животе, попой вверх? Выставив на обозрение нижние юбки? Или ноги? Или того хуже? Она принялась отчаянно обмахивать лицо, делая вид, что ей жарко от пылавшего камина.

Рейф довольно легко отследил ход ее мыслей. Неудивительно, ее лицо столь красноречиво. Он уловил момент, когда она старалась представить, как ее водрузили в седло Тора. К сожалению, его мысли тоже вернулись к этому мгновению. Он положил ее поперек на животе, нижняя часть ее тела соблазнительно устремилась к небу. Платье немного задралось, обнажив ноги. В то время он обращал мало внимания на это. Теперь же, мысленно возвращаясь к событиям ночи, оценил соблазнительные изгибы ее роскошной фигуры, будто разглядел каждый дюйм.

– Почему, – резко заговорил Рейф, обуздывая свое воображение, расстроенный тем, что ему приходится так поступать, – вор-взломщик, предприняв столь огромные усилия,

чтобы похитить вас, изменил свое намерение и бросил вас на моей земле?

– Не знаю, – ответила Генриетта. – В этом нет никакой логики. Теперь я это вижу. Наверное, он вынашивал дурные намерения относительно меня, затем передумал, когда лучше разглядел меня, – сказала она с кислой улыбкой.

– Если дело обстояло так, то он лишен всякого вкуса, – тут же отреагировал Рейф, одарив ее искренней улыбкой, которая совершенно преобразила его лицо.

Лицо Генриетты порозовело, и, пока она силилась придумать, что ответить, улыбка исчезла с его лица, будто облако скрыло солнце.

– Значит, вы не поверили ни единому моему слову, правда?

Халат распахнулся. Рейф заметил плоть кремового цвета, высвободившуюся из белого хлопчатобумажного белья. Натюра повесы не позволила бы ему отвести взгляд. Хотелось смотреть, но именно это обстоятельство заставило его решительно отвести взгляд. *Тебя уже больше ничто не волнует.* Вспомнив эти слова, сказанные его другом Лукасом, Рейф грустно улыбнулся. Слава богу, они верны, если отбросить всепроникающее чувство вины. Он достаточно потрудился, чтобы убедиться в их правоте, поскольку намеревался строить свое поведение подобным образом. Желание уже перестало быть одной из составных черт его эмоций. «Не может быть и речи о том, – сурово твердил он себе, – чтобы испы-

тывать желание к Генриетте Маркхэм».

– Приходится согласиться, что все это похоже на выдумку, – сказал он более небрежно, что диктовалось необходимостью привести в порядок мысли, – однако мое мнение немного значит. Я думаю, гораздо важнее, поверит вам леди Ипсвич или нет. – Граф решительно встал. Соблазнительная Генриетта Маркхэм развлекла его, но пора заканчивать эту неожиданную интерлюдия и возвращаться в реальность. – Я распоряджусь, чтобы вас отвезли назад в моем экипаже. Должно быть, ваше платье уже высохло. – Граф дернул за шнурок звонка и вызвал экономку.

Генриетта с трудом поднялась. Стало ясно, что ему все наскучило. И она тоже. Стоило ли удивляться? И уж точно не следовало обижаться. Ведь она всего лишь ничтожная гувернантка, сочинившая невероятную историю. А он граф с положением в обществе и вереницей красавиц, с которыми приятно проводить время. И они не носят коричневых платьев и уж точно не валяются в канавах, ожидая, когда их оттуда достанут.

– Должна еще раз поблагодарить вас за мое спасение. – Генриетта надеялась, что ее голос звучит резко, слыша при этом нотки обиды. – Прошу извинить меня за то, что отняла у вас слишком много времени.

– Мне это доставило удовольствие, мисс Маркхэм, но хочу вам кое-что сказать, прежде чем вы уедете. – Рейф кончиком пальца поднял ее голову за подбородок. Глаза Генриетты на-

поминали расплавленную бронзу – самая красивая ее черта. Граф холодно встретил этот взгляд, хотя и не чувствовал себя столь безмятежно, как того хотелось бы. Он не привык к тому, чтобы кто-то нарушал его душевное равновесие. – Не ждите, что вас встретят как героиню, – тихо произнес он. – Хелен Ипсвич не слишком доверчивая и не слишком добрая женщина. – Он взял руку Генриетты и коснулся губами тыльной стороны ее ладони. – Удачи, Генриетта Маркхэм, и до свидания. Когда вернетесь в свою комнату, я велю миссис Питерс принести вам платье. Она проводит вас.

Граф не удержался и прильнул губами к ее руке. От нее исходил прелестный аромат. Запах тела и прикосновение к коже ударили в голову, он ощутил приятное шевеление в паху. А потому резко отпустил ее руку и вышел, не оглянувшись назад.

Он лишь на мгновение коснулся устами ее кожи, а она все еще чувствовала это прикосновение. Прижала руку к щеке, ожидая, когда уймется покалывание. Прошло много времени, прежде чем это случилось.

Молли Питерс, кроткая экономка Рейфа, своими розовыми щечками напоминала яблоко. Ее муж Альберт, которому одному разрешалось называть ее «моя прелестная малышка», служил главным конюхом. Молли начинала судомойкой еще у прежнего графа, затем доросла до горничной, прислуживая за столом, горничной хозяйских покоев, главной гор-

ничной, потом короткое время без особой радости служила покойной графине. После безвременной смерти хозяйки молодой Рейф повысил ее до экономки, передав ключи и предоставив в ее распоряжение собственный кабинет.

Молли Питерс с гордостью и умело занималась делами дома. Она и раньше с удовольствием занялась бы управлением, будь у нее такая возможность, но еще при жизни графини имением Вудфилд-Манор редко пользовались. Вследствие этого у миссис Питерс было мало работы, и, откровенно говоря, она немного изнывала от скуки. Неожиданное появление Генриетты внесло в ее жизнь приятное волнение и вызвало у обычно сдержанной экономки желание поболтать.

– Я знаю мастера Рейфа всю жизнь, с тех пор как он был еще малышом, – поведала она в ответ на вопрос Генриетты. – Такой хорошенький был малыш, такой умный.

– Он таковым и остался, – рискнула высказаться Генриетта, с трудом натягивая свежевывглаженное коричневое платье.

Миссис Питерс поджала губы.

– У него уж точно нет отбоя от поклонниц, – чопорно заметила она. – Такой мужчина, как лорд Пентленд, с такой внешностью и родословной, уж не говоря о богатстве, как у Крёза³, будет всегда привлекать взгляды леди, однако хозяин, мисс... дело в том... – Экономка оглянулась через плечо,

³ Крёз – царь Лидии (560–546 гг. до н. э.) – царства, занимавшего большую часть Малой Азии; по преданию, обладал несметными богатствами.

будто опасаясь, что Рейф может неожиданно войти в спальню. – Дело в том, что он из тех, кто легко влюбляется и легко бросает, как поговаривает мой Альберт, хотя, должна сказать, любви тут мало, а расставание происходит без сожаления. Не знаю, почему я вам это рассказываю, хотя вы такая приятная юная леди, и не пристало бы... Но он не развратник, надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

Генриетта делала вид, что понимает, хотя, по правде говоря, совсем не была уверена, понятна ли ей разница между повесой и развратником. Ее мама уж точно не видела между ними различий. Генриетта пыталась сформулировать вопрос, который побудил бы миссис Питерс просветить ее. Тогда не придется выказывать свое невежество. Но тут экономка громко вздохнула и заскрежетала зубами.

– Имейте в виду, он не всегда был таким. Во всем виновата его жена.

– Он женат! – У Генриетты челюсть отвисла. – Я не знала. – Зачем ей знать? Вопреки мнению его светлости, Генриетта не очень любила сплетничать. Она даже не слушала сплетен. Вот почему ей было обидно выслушивать обвинения Рейфа Сент-Олбена. В действительности Генриетта лишь недавно прослышала о его репутации, тогда ее насторожило случайное замечание хозяйки. Но если граф женат, то его поведение еще хуже. Генриетта почему-то чувствовала себя преданной, будто он соврал ей, хотя все это не имело к ней никакого отношения. – Я никогда не слышала, чтобы

кто-то упоминал о его супруге.

– Это потому, что она умерла, – спокойно ответила миссис Питерс. – Пять лет назад.

– Значит, граф вдовец! – Он совсем не был похож на вдовца. – Что случилось? Как она умерла? Когда они поженились? Он... они... женились по любви? Он очень страдал? – Вопросы один за другим слетели с ее уст. Лишь удивление на лице миссис Питерс остановило ее. – Меня просто снедает любопытство, – неуклюже оправдывалась Генриетта.

Миссис Питерс настороженно смотрела на нее.

– Ее звали леди Джулия. Я уже и так много сказала, хозяин не любит, когда его обсуждают. Но если вы готовы отправиться в путь, я покажу вам ее портрет, когда будем выходить. Если вам угодно.

Портрет висел в главном вестибюле. Стройная леди Джулия задумчиво глядела вдаль, грациозно сидя на деревенских качелях, украшенных розами.

– Портрет был написан в том году, когда она умерла, – пояснила миссис Питерс.

– Она... она была... очень красивой, – грустно сказала Генриетта.

– О, она была прелестна, – заметила миссис Питерс, – хотя судят не по внешности, а по поступкам.

– Что вы хотите сказать?

Миссис Питерс почувствовала себя неловко.

– Ничего. Это было давно.

– Сколько лет они были женаты?

– Шесть лет. Рейф был еще мальчиком, ему и двадцати не было, когда их поженили. Она была на несколько лет старше его. В таком возрасте это существенная разница, – ответила миссис Питерс.

– Как это так?

Миссис Питерс покачала головой:

– Сейчас это уже не имеет значения. Как говорит Альберт, сделанного не воротишь. Мисс, экипаж, наверное, уже ждет вас.

Генриетта последний раз взглянула на совершенные черты лица элегантной женщины, запечатленной на портрете. Нет смысла отрицать, что графиня Пентленд красива, но в ее глазах заметен холодный расчет, Генриетте это не понравилось. Блестящее совершенство внешности напоминало отшлифованный гранит. По какой-то нелепой причине ей пришла в голову мысль, что Рейф Сент-Олбен мог любить такую. Простившись с экономкой, Генриетта спустилась к ожидавшему ее экипажу, не смогла удержаться и оглянулась – а вдруг граф передумал и решил сам попрощаться с ней. Но он так и не появился.

Посреди двора красовался огромный фонтан в виде четырех дельфинов, поддерживавших статую Нептуна. Скорее всего, он создан по образцу Тритона, фонтана Бернини⁴ в

⁴ Бернини Джованни (1598–1680) – итальянский скульптор, архитектор и художник.

Риме. Широкие ступени за фонтаном вели к безупречным цветочным клумбам и газонам, уходящим вдаль. Как и дом, который она только что покинула, территория имения красноречиво свидетельствовала об эlegantности, вкусе и богатстве.

Трудно придумать более резкий контраст с домом, где она родилась. Ветхое родное жилище имело запущенный вид, пропахло сыростью, в нем гуляли сквозняки. В этом были виноваты недостаток средств и другие, более неотложные потребности. Любой излишек денег родители пускали на благие цели. Генриетту охватила непонятная тоска по дому. Хотя родители безнадежно непрактичны, они всегда руководствовались добрыми намерениями. Для них на первом месте другие люди, несмотря на то что те порой оказывались неблагодарными. Даже собственный ребенок не был для них столь значимым. Однако Генриетта ни разу не усомнилась в том, что родители ее любят. Она скучала по ним.

Она вообще не роптала на свою судьбу.

Генриетта расправила плечи и уселась в ожидавший экипаж, на дверях которого красовался герб, мысленно прокручивая предстоящий не самый приятный разговор с хозяйкой.

Рейф следил за ее отъездом из окна спальни. Бедная Генриетта Маркхэм, вряд ли Хелен Ипсвич поблагодарит ее за попытку задержать вора-взломщика... если таковая вообще имела место. Странно, граф чувствовал себя неудобно из-за

того, что позволил Генриетте вернуться одной, точно ягненку на заклание. Но он не пастырь и не обязан отвечать за спасение невинных душ из когтей Хелен Ипсвич.

Когда карета двинулась по подъездной дорожке, Рейф отошел от окна, стащил сапоги и фрак, надел халат. Сидя у камина с рюмкой бренди, он ощутил неуловимый аромат Генриетты, сохранившийся в шелке. На рукаве халата повис длинный каштановый волос.

Да, она приятно развлекла его. Неожиданно для себя граф почувствовал, что она ему желанна. Этот рот. Эти восхитительные изгибы. Но Генриетта уже уехала. Сегодня, но позже, он тоже уедет. Вернется в Лондон.

Рейф отхлебнул глоток бренди. Две недели назад ему стукнуло тридцать. Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как он унаследовал титул графа, и почти пять лет, как он овдовел. Прошло достаточно времени, пора снова брать бразды правления жизнью в свои руки, как все время надоедливо советовала бабушка, вдовствующая графиня. В некотором смысле она права, но, с другой стороны, понятия не имела, сколь неосуществимы ее увещевания. Глубокие душевные раны тому препятствием. У него не было ни малейшего желания наносить новые увечья своей израненной душе.

Рейф сделал еще один столь необходимый глоток бренди. Время диктует. Придется сделать так, чтобы бабушка раз и навсегда отбросила всякую мысль о прямом наследнике, хотя граф понятия не имел, как убедить ее, не открывая непри-

глядную правду, ставшую причиной его нежелания, ужасную преступную тайну, которая будет преследовать его до самой смерти.

К тому времени, когда экипаж остановился у парадной двери хозяйки, природный оптимизм Генриетты снова дал о себе знать. Что бы ни думал Рейф Сент-Олбен, она *хотела* предотвратить кражу. Даже если это ей не удалось, она могла описать вора-взломщика, и это, несомненно, определенное достижение. Когда Генриетта вошла, ее встретили со сдержанным волнением. Обычно запуганный ливрейный слуга вытаращил на нее глаза.

– Где вы были? – шепотом спросил он. – Они говорят...

– Миледи желает вас немедленно видеть, – прервал его дворецкий.

– Скажите, что я приду сразу после того, как переоденусь, если вам угодно.

– Немедленно, – твердо повторил дворецкий.

Генриетта поднялась по лестнице с трепетом в сердце. Рейф Сент-Олбен прав в одном – ее рассказ действительно казался неправдоподобным. Напоминая себе одно из изречений папы о том, что правды нечего бояться, Генриетта расправила плечи, гордо подняла голову, но, постучав в дверь, поняла, сколь огромна разница между тем, чтобы рассказать правду и доказать ее.

Сорокалетняя леди Ипсвич, которой на вид было не более тридцати, сидела в своем будуаре. Очень красивая цветущая женщина, она не жалела усилий, чтобы сохранить хрупкую иллюзию прелести юных лет. При выгодном освещении это ей почти удавалось. Нелл Браун, рожденная незнатной, прошла несколько перевоплощений – от актрисы до благородной дамы, жены и матери. Следует заметить, что материнство она впервые вкусила примерно за пятнадцать лет до брака. Этот интересный эпизод знала только она сама, приемные родители ребенка и очень дорогая повивальная бабка, присутствовавшая при родах официального первенца, наследника лорда Ипсвича.

Пробыв в браке семь лет, леди Ипсвич зажила уютной жизнью вдовы. Прошлое навсегда лишило ее доступа в высший свет. Она благоразумно ни разу не пыталась заручиться письменной рекомендацией о приеме в клуб «Алмак». Ее сосед, граф Пентленд, никогда не заходил дальше простых любезностей и едва заметных поклонов. Но как спутница пэра с двумя законными детьми она обрела налет респектабельности, достаточный, чтобы дурачить всех, включая гувернантку, не знавших о ее прошлом.

Упорные же слухи о том, что она, промотав деньги мужа, высосала его жизненные силы, так и остались на уровне слухов. Стареющий лорд Ипсвич умер от инсульта. Тот факт, что это случилось во время особо бурного служения Гименею в спальне супругов, лишь доказывал серьезность

отношения леди Ипсвич к брачным узам. От преданности жены его светлость буквально лишился способности дышать. Убийство? Ни в коем случае! Как можно допустить подобную мысль, если не менее пяти мужчин, интимно знакомых ей, молили, причем двое из них на коленях, чтобы она удостоила их тех же наслаждений. До сих пор она им отказывала.

Когда вошла Генриетта, вдова сидела перед зеркалом и при ярком беспощадном свете утреннего солнца занималась туалетом. Столик был заставлен склянками и флаконами с «Олимпийской росой» и «Датским лосьоном» – новыми, призванными сохранить красоту средствами. Кроме того, набор духов от Прайса и Госнелла, баночки с румянами, тушью для ресниц, губная помада, кружева и ленты, расчески для волос, полупустой флакон с настойкой опия, несколько черепаховых гребней, пара щипцов и множество приглашенных билетов.

Леди Ипсвич с тревогой всматривалась в зеркало, только что обнаружив на лбу нечто похожее на новую морщинку. В своем возрасте она испытывала страсть к молодым мужчинам и должна была следить за собой. Совсем недавно один из ее любовников как-то заметил, что неприятный след от ленты, которой она завязывала чулки, не исчез к тому времени, когда она поднялась, чтобы одеться. Ее кожа уже утратила эластичность молодости. Любовник поплатился за свою откровенность, но все же!

Вдова наконец-то осталась довольна своим отражением в зеркале и прической и повернулась к Генриетте.

– Значит, соизволила вернуться, – холодно заговорила она. – Ты не потрудишься объяснить свое поведение и отсутствие?

– Если помните, мадам, я вышла искать Принцессу. Вижу, она сумела вернуться без посторонней помощи.

Услышав свое имя, собачка подняла голову с розовой бархатной подушки у камина и зарычала. Леди Ипсвич тут же подхватила ее на руки.

– Без твоей помощи, Маркхэм. – Она почесала любимицу под подбородком. – Ты ведь умница, маленькая Принцесса, правда? Да, ты умница, – повторила хозяйка, бросив на Генриетту злобный взгляд. – Тебе следует знать, что, пока ты безуспешно искала мою драгоценную Принцессу, в дом проник вор. Мои изумруды исчезли.

– Изумруды Ипсвичей! – Генриетта хорошо знала фамильные драгоценности, которые невозможно перепутать ни с чем. Леди Ипсвич безмерно любила их, да и сама Генриетта часто восторгалась ими.

– Исчезли. Взломали сейф и забрали их.

– Боже мой! – Генриетта вцепилась в спинку хрупкого филигранного кресла. Мужчина, похитивший ее, явно оказался не обычным грабителем, а лихим и наглым вором. Вот с кем она столкнулась. Более того, могла опознать. – Мне трудно поверить в это, – слабым голосом произнесла Генриетта. –

Он совсем не был похож на мужчину, который готов пойти на столь ужасное преступление. В действительности он больше напоминал уличного вора-карманника.

Теперь настала очередь леди Ипсвич побледнеть.

– Ты видела его?

Генриетта решительно закивала:

– Да, миледи. Теперь ясно, почему он ударил меня. Если его схватят, он точно кончит свои дни на виселице.

Когда до Генриетты дошел смысл того, что случилось, у нее подогнулись колени. Вор бросил ее, решив, что она мертва. Если Рейф Сент-Олбен не нашел бы ее... Шепотом проворботав извинение, она опустилась в кресло.

– Как он выглядел? Опиши его мне, – строго потребовала леди Ипсвич.

Генриетта наморщила лоб.

– Он был очень маленького роста, не намного выше меня. Один глаз скрывала повязка. Говорил с акцентом. Видно, родом с севера. Возможно, из Ливерпуля. Такой акцент нельзя перепутать.

– Ты узнала бы его, если бы увидела снова?

– О, я в этом не сомневаюсь. Я непременно узнала бы его.

Леди Ипсвич стала расхаживать по комнате, сжимая и разжимая ладони.

– Я уже разговаривала с мировым судьей, – сообщила она. – Он послал на Боу-стрит за сыщиком из полицейского суда.

– Они захотят допросить меня. Возможно, я даже сыграю главную роль в том, что его отдадут под суд. Боже мой! – Генриетта поднесла дрожащую руку ко лбу, пытаясь остановить надвигавшееся головокружение.

Презрительно фыркнув, леди Ипсвич протянула ей серебряный флакон с нюхательной солью, затем снова начала расхаживать по комнате, все время что-то бормоча про себя. Генриетта осторожно понюхала соль, затем торопливо закрыла флакон пробкой. У нее снова разболелась голова, а к горлу подступала тошнота. Одно дело – играть незначительную роль в мелкой краже, и совсем другое – отправить человека на виселицу. *О боже, ей даже не хотелось думать об этом.*

– Ты говоришь, он ударил тебя? – резко спросила леди Ипсвич, посмотрев на нее испытующим взглядом.

Генриетта невольно протянула руку к чувствительной шишке на голове.

– Он ударил меня, и я потеряла сознание. Он унес меня. Я лежала в канаве без сознания.

– Кстати, его или тебя еще кто-то видел?

– Я не знаю.

– В самом деле, – сказала леди Ипсвич, одарив Генриетту загадочной улыбкой, – я должна верить лишь твоему слову.

– Ну да. Но изумруды исчезли, сейф взломан и...

– Теперь мне все ясно, – ликующим голосом заявила леди Ипсвич.

Генриетта уставилась на нее, ничего не понимая.

– Все ясно?

– Ты, мисс Маркхэм, вступила в сговор с этим вором! В этом нет ни малейшего сомнения.

У Генриетты отвисла челюсть. Если бы она не сидела, то свалилась бы на пол.

– Я?

– Это ведь ты сказала ему, где находится сейф. Ты впустила его в мой дом, а потом разбила окно нижнего этажа, чтобы все выглядело так, будто кто-то вломился в дом. Это ты тайком вывела мою бедную Принцессу в темный двор, чтобы та не подняла шум.

– Вы считаете... вы действительно думаете... нет, этого быть не может. Это же нелепо.

– Ты сообщница преступления. – Леди Ипсвич кивнула несколько раз, точно убеждая себя. – Теперь мне все понятно. Это единственное логическое объяснение. Конечно, он совсем не похож на того ужасного человека, которого ты мне описала. Да еще придумала повязку на глазу! Ты это сочинила, чтобы сбить всех со следа. Так вот, мисс Маркхэм, позволь тебе заметить, что тебе не провести Нелл... я хотела сказать Хелен Ипсвич. Я раскусила тебя и твой хитрый заговор. Такой же вывод сделает джентльмен, который едет сюда с Боу-стрит. – Леди Ипсвич большими шагами подошла к камину и энергично потрясла звонок. – Тебя запрут в твоей комнате, пока он не приедет. Я тебя немедленно увольняю с

должности гувернантки.

Генриетта раскрыла рот. Разумная часть ее существа говорила, что все это глупое недоразумение, которое можно легко исправить, однако второе «я» напоминало о том, что она занимает низкое положение и ее хозяйка истолковала факты точно так, как предсказывал Рейф. То, что она рассказала, не выглядело столь уж бесспорной истиной. У нее не было доказательств, чтобы подкрепить свои слова. Ни единого доказательства.

– Ты слышала, что я сказала?

Генриетта с трудом поднялась.

– Но, мадам, миледи, умоляю вас, вы же не думаете...

– Убирайся, – приказала леди Ипсвич, когда в дверях показался испуганный дворецкий. – Убирайся и не показывайся мне на глаза, пока не придет сыщик. Поверить не могу, что я приютила под своей крышей воровку и наглуую лгунью.

– Я не воровка и уж никак не лгунья. – Генриетта возмутилась от таких обвинений и обрела силы. Она не соврала ни разу в жизни, даже себе во благо. Папа призывал, чтобы она говорила абсолютную правду, чего бы это ни стоило. – Я бы никогда не совершила подобную подлость, – произнесла Генриетта дрожащим от волнения голосом.

Леди Ипсвич равнодушно повернулась к ней спиной. Генриетта от недоумения трясла головой. Ей стало плохо. В ушах зашумело, пальцы окоченели, пока она сцепила их, пытаясь унять дрожавшие руки. Генриетта пожалела о том, что

оставила нюхательную соль на кресле.

– Когда они услышат всю правду... мировой судья... сыщик... кто бы это ни был... мне поверят. Обязательно поверят.

Смех леди Ипсвич прозвучал как бьющееся стекло. Она вновь с презрением глядела на свою бывшую гувернантку.

– Моя дорогая, подумай хорошенько, чьим словам они поверят больше – твоим или моим?

– Но лорд Пентленд...

Леди Ипсвич сощурила глаза.

– Скажи на милость, какое отношение лорд Пентленд имеет к этому?

– Такое, что именно он нашел меня. Это его экипаж привез меня сюда.

– Ты рассказала Рейфу Сент-Олбену нелепую историю о том, будто тебя похитили? – Голос леди Ипсвич прозвучал громко, как вопль. Ее лицо снова мертвенно побледнело.

Генриетта смотрела на нее с отчаянием. Ее хозяйка не отличалась приятным характером, но не была подвержена столь драматичным переменам настроения. «Потеря семейных драгоценностей явно выбила ее из колеи», – решила Генриетта, когда ее светлость взяла флакон с нюхательной солью, глубоко вдохнула и дважды чихнула.

– Миледи, это не нелепая история, а чистая правда.

– И как же он воспринял эту правду? – резко спросила леди Ипсвич.

– Лорд Пентленд? Он... он... – Рейф ведь предупреждал ее. Теперь Генриетта поняла, что он имел в виду, когда говорил, чтобы она не ожидала, что ее встретят как героиню. – Я не думаю... не знаю, что именно он подумал, но подозреваю, что он тоже не поверил мне, – неохотно призналась Генриетта.

Леди Ипсвич кивнула несколько раз:

– Ясно, лорд Пентленд верит твоей выдумке не больше, чем я. Мисс Маркхэм, ты опозорила себя. А я поймала тебя на лжи. А теперь исчезни с моих глаз.

Глава 3

Устало поднимаясь по лестнице в свою комнату на чердаке, Генриетта сдерживала обиду, разраставшуюся в груди. Она кипела от гнева, не могла прийти в себя, испытывала чувство стыда – ведь скоро домочадцы все узнают. К тому же ею завладевало сильное оцепенение.

Сидя на узкой кровати, она невидящим взором уста вилась в противоположную стену и раздирала на кусочки совершенно новый носовой платок. Ее лишили должности гувернантки, обвинили в воровстве. Одному Богу известно, как это воспримет Рейф Сент-Олбен. Конечно, не так уж важно, что он подумает. Вряд ли вообще вспомнит о ней, разве что поздравит себя с тем, что не впутался в это дело.

О боже милостивый! Если ее привлекут к суду, его вызовут в качестве свидетеля. Он увидит ее на скамье подсудимых в наручниках, облаченную в лохмотья и, возможно, уже заболевшую сыпным тифом. О сыпном тифе Генриетта знала все. Мейзи Мастерс, которая учила ее готовить джем из шиповника, описала эту болезнь во всех жутких подробностях. Мать Мейзи провела в тюрьме шесть месяцев, ожидая, когда ей вынесут приговор за браконьерство. Обычно самая неразговорчивая женщина, Мейзи не жалела красок, описывая симптомы сыпного тифа. Сначала сыпь. Затем кашель, головная боль и жар. После этого возникали язвы от лежания

на зловонной соломе и укусов блох. О боже, и еще этот дурной запах. Сидя на скамье подсудимых, она будет источать невыносимый запах. Мейзи рассказывала ей, что адвокаты носят с собой флаконы с духами. Как это плохо. Ее опозорят, по губят. Даже если признают невиновной, она погибла. А если признают виновной, могут даже отправить на эшафот. Об этом ей тоже рассказывала Мейзи, хотя она изо всех сил старалась не слушать ее. Разошлют листовки, в которых ее отвратительное преступление опишут в жутких подробностях. Народ придет взглянуть на нее, подбодрить в последние мгновения жизни. Мама и папа будут...

Раздались глубокие вздохи.

«Мама и папа находятся в Ирландии, – напомнила она себе, – и пребывают в блаженном неведении о моей беде. Что не так уж плохо, по крайней мере сейчас».

Снова слышались глубокие вздохи.

Они ничего не узнают. Они даже знать не будут. Лучше вообще не допустить, чтобы они узнали. Просто надо найти способ восстановить свое доброе имя до того, как родители вернутся в Англию. Еще важнее не дать надеть на себя наручники, ибо, оказавшись в тюрьме, она уже не сможет выследить настоящего преступника.

Но сейчас она понятия не имела, как поступить. «С какой бы стороны ни взглянуть на это, – сказала она про себя, – положение дел не предвещает ничего хорошего. Вообще не видно никакого выхода». То обстоятельство, что правда бы-

ла на ее стороне, еще не означало, что правосудие тут же станет ее союзником. Коварна леди Ипсвич или нет, ее изложение сути дела покажется достоверным. К тому же она пользовалась влиянием.

«О боже. О боже. О боже». Она не заплачет. *Ни за что.* Отчаянно хлопая глазами и громко шмыгая носом, она ходила по своей спальне. Посмотрела в створчатое окно на огород и подумала о том, кто теперь позаботится о ее подопечных. Они будут скучать по ней. Или же Рейф Сент-Олбен, возможно, прав, и они быстро забудут ее. А может, узнав, что Генриетта воровка или сообщница вора и о ней пойдет столь дурная слава, они не смогут забыть ее. Мальчишки остаются мальчишками, они могут даже проникнуться к ней нездоровым восхищением. Каким примером она станет для них? Ей надо обязательно поговорить с ними, все объяснить. Как же ей все-таки поступить?

Генриетта снова беспомощно опустила на кровать. Возможно, к завтрашнему дню леди Ипсвич образумится. Но завтра... или даже к концу сегодняшнего дня... прибудет сыщик. Доставит ее в тюрьму, где она пробудет до начала следующей ежеквартальной сессии суда присяжных, до которой почти два месяца. Генриетта не может ждать целых два месяца, чтобы восстановить свое доброе имя. Даже если бы могла, разве можно надеяться на успех, ведь у нее нет денег, чтобы оплатить услуги того, кто станет ее защищать? Генриетта даже не знала, разрешат ли ей нанять адвоката, и к тому

же понятия не имела, как это сделать. Скорее всего, власти вызовут папу, и тогда...

Нет! Ей здесь нельзя оставаться. Что бы ни случилось, она не может сидеть сложа руки и покорно ждать, как распорядится судьба. Она должна покинуть это место. Уйти отсюда. И немедленно!

Больше не раздумывая ни минуты, Генриетта схватила со шкафа свою картонку и начала как попало бросать в нее свою одежду. Добра было немного, но, когда Генриетта уселась на крышку, безуспешно пытаясь закрыть ее, она решила расстаться с несколькими предметами одежды. Оставила свое второе лучшее платье, после чего картонка наконец-то закрылась.

Еще полчаса Генриетта потратила на то, чтобы сочинить записку своим подопечным. Закончила она весьма неубедительно, умоляя простить ее за неожиданное исчезновение, не забывать об уроках и не думать о ней плохо, что бы они ни слышали.

Уже давно минул полдень. Слуги, должно быть, заняты обедом. Леди Ипсвич сидит в своем будуаре. Завязав ленты соломенной шляпы аккуратным узлом под подбородком, Генриетта накинула пальто на плечи и осторожно приоткрыла дверь, крадучись спустилась по лестнице, как и полагается сообщнице вора-взломщика, за какую ее принимали, выскользнула в огород через боковую дверь и вышла на до-

рожку из гравия, ведущую к конюшням, ни разу не оглянувшись назад. У ворот свернула на дорогу, которая вела к городку. Через некоторое время Генриетта забралась на дерево и, усевшись спиной к дороге, дала волю слезам.

Обычно она не жаловалась на судьбу, но сейчас почувствовала, что заслужила право немного пожалеть себя. Она уже жалела о своем опрометчивом поведении. Конечно, неплохо бы скрыться, лелея смутную надежду на восстановление доброго имени, только как добиться этого?

Удручало отсутствие ответа. «А теперь, когда я сбежала, подумают, что это лишь доказывает мою вину, – сказала она, обращаясь к своим туфлям. – Глупая, глупая, глупая».

Во всем мире у нее не осталось никого, к кому можно было бы обратиться. Насколько она знала, ее единственная родственница – тетьа, сестра матери. Генриетта вряд ли могла появиться у нее, поскольку никогда не видела, и представиться давно потерянной племянницей, да еще скрывающейся от закона. К тому же между сестрами существовала трещина. Обе не разговаривали уже много лет. Нет, это не вариант.

Однако и вернуться невозможно. Генриетту потрясла легкость, с которой хозяйка ее обвинила, и скептицизм Рейфа Сент-Олбена, заставивший усомниться в том, встанет ли на ее сторону хоть кто-нибудь при отсутствии доказательств. Нет, путь назад отрезан. Оставалось лишь идти вперед. Единственным местом, которое ей приходило в голову, был Лондон. Столь приметные драгоценности надо как-то

сбыть, и, конечно, сделать это можно только в Лондоне. Она отправится туда, а уж там... Ладно, об этом она подумает по пути.

Теперь надо понять, как туда добраться. Генриетта порылась в своей картонке, достала кошелек и тщательно пересчитала свои сбережения. Огромная сумма – восемнадцать шиллингов и шесть пенсов. Она уставилась на небольшую кучку монет. Хватит ли их для поездки на почтовой карете? Она подумала, что лучше сохранить деньги для оплаты комнаты на постоялом дворе, положила их в кошелек и устало поднялась. Не могла же она вечно просидеть на этом дереве. Взяв картонку и лелея слабую надежду на то, что удастся поехать в направлении столицы, она направилась к городку.

Поля, прилегавшие к дороге, были недавно вспаханы и засеяны хмелем и ячменем, которые уже дали зеленые сочные ростки. Живые изгороди, где бурно росли жимолость и ломонос среди шиповника, чьи белые цветки еще не распустились, иногда скрывали ее от солнца, ярко светившего в бледно-голубом летнем небе. Слышалось пение птиц. Словом, занимался чудесный день. «Чудесный день для человека, скрывающегося от правосудия», – с горечью подумала Генриетта.

Первую милю она шла бодро, в голове роились фантастические планы о том, как вернуть ожерелье леди Ипсвич. Часы, проведенные за чтением романов, которые выпускала «Минерва пресс», не прошли даром. Правда, вскоре о

себе заявила реальность. Ремни картонки врезались в руку. Пальто – единственный предмет верхней одежды, который у нее остался, – предназначалось для глубокой зимы и не сочеталось с шерстяным демисезонным платьем. Лицо покраснело, и она не понимала, как столь незначительное количество вещей может оказаться таким тяжелым. Красивая рощица, где наперстянка и колокольчики образовали яркие цветные полосы, не обрадовала ее, равно как и изобилие других прелестей. У нее не было настроения оценить совершенства сельской местности.

К тому времени, когда Генриетта наконец-то приблизилась к своей цели, она не сомневалась, что на ноге появился волдырь в том месте, где в туфлю попал крохотный камешек. Болели плечи, в голове стучало, хотелось лишь выпить чего-нибудь прохладного и отдохнуть в затемненной комнате.

Ветхий постоялый двор «Король Джордж» расположился на перекрестке в дальнем конце городка Вудфилд. Видавшая виды доска с изображением несчастного безумного короля скрипела на поржавевших петлях у въезда во двор, где грязная собака, лежа у тюка с сеном, лениво почесывала за ухом. Пока Генриетта с сомнением разглядывала здания, образовавшие постоялый двор, до нее из-за закрытых ставнями окон донесся веселый мужской хохот. Она заключила, что в подобном месте вряд ли можно надеяться на чистые простыни, не говоря уже о честных постояльцах. Сердце упало.

Входная дверь вела прямо в пивную, чего она не ожидала. Гробовое молчание, с которым встретили ее появление, показало, что постояльцы удивлены не меньше ее. На мгновение Генриетта прижала к себе пальто и уставилась на лица перед собой, точно маленький зверек, угодивший в капкан. Мужчины смотрели на нее как на существо, извлеченное из глубин моря. Храбрость чуть было не оставила ее.

Когда хозяин постоялого двора грубо спросил, что ей надо, Генриетта невольно перешла на шепот. Ответ хозяина разочаровал ее. Почтовая карета прибудет только завтра. Все места в пассажирском экипаже раскуплены на два дня вперед. Он с любопытством разглядывал Генриетту. Почему она заранее не навела справки? В Лондоне ее ждут срочные дела? Если дело обстоит так, он мог бы найти ей место рядом со своим постояльцем до первого почтового постоялого двора, где она вечером сможет пересест в экипаж, направляющийся в Бристоль.

Вдруг Генриетта сообразила: чем меньше людей знают о том, где она, тем лучше. Она отклонила это предложение и сообщила хозяину, что передумала и не поедет в Лондон. Она точно не поедет в Лондон.

Пробормотав извинение, вышла и оказалась в конном дворе, где стояли лошади, запряженные в быстрый экипаж. На фаэтоне, выкрашенном в блестящий темно-зеленый цвет, отсутствовал герб. Спицы четырех высоких колес отделаны под золото. Лошади – идеальная пара гнедых. В остальном

же экипаж ничем не выделялся. Такой прекрасный, он уж точно поедет в Лондон. Кучера видно не было.

Генриетта нервно огляделась, и ей в голову пришла смелая мысль. Ей показалось, что сиденье расположено очень высоко над землей. Заднее откидное сиденье, на котором лежала дорожная сумка и большое одеяло, почти на такой же высоте. Верх фэтона поднят, наверное, от дождя. Если возница не взглянет на заднее сиденье, с какой стати ему смотреть на него, он ее не заметит. Она должна воспользоваться этим шансом, другого может не представиться. Призраки сыщиков с Боу-стрит и рассказов Мейзи Мастерс о тюрьме маячили перед ее глазами. Генриетта не стала больше раздумывать. Сжимая картонку в руках, забралась на заднее сиденье экипажа. Свернувшись как можно глубже под задним сиденьем, она накрылась одеялом и стала ждать. Недолго.

Несколько минут спустя она почувствовала, что экипаж накренился, когда кто-то сел в него. Неужели в карете всего один человек? Она напрягла слух, но не расслышала ничего, кроме шума сбруи и грохота колес. Экипаж развернулся перед постоялым двором «Король Джордж», и лошади рысью помчались из городка. Когда экипаж выехал на глубокую колею, она едва не вскрикнула и отчаянно ухватилась за край сиденья, чуть не выпав на дорогу.

Кучер отпустил вожжи и щелкнул плетью. Лошади быстро покинули окрестности городка Вудфилд. Всю дорогу Генриетта старалась подавить надвигавшийся страх. Что она на-

делала? Не было уверенности в том, что экипаж едет в Лондон, к тому же она не знала, кто правит лошадьми. Ведь этот человек мог разозлиться, обнаружив ее, и бросить посреди дороги. О самом худшем исходе даже думать не хотелось. *О боже, она вела себя как полная идиотка.*

Экипаж набирал скорость. Изгороди, пахнувшие шиповником и жимолостью, смутно мелькали мимо экипажа, когда Генриетта выглянула из-под одеяла. Дальше шли поля, на которых колыхался хмель. Она заметила сушилку с конусообразной крышей, очень напоминавшую избушку ведьмы. Экипаж проехал городок, где вокруг водяной мельницы располагилась небольшая группа домиков с соломенными крышами. Затем миновал еще один городок. Фермы. Изредка в противоположном направлении проезжала телега фермера. На пустынном отрезке дороги фаэтон, резко прибавив скорость, обогнал пассажирский экипаж. Генриетта ухватилась за края кареты. Кучер поднял свою плетку в приветствии.

Фаэтон подбрасывал Генриетту, лежащую в тесноте. Она набила синяки, у нее снова заболела голова. Тем не менее она радостно подумала о том, что хотя бы избежала встречи с сыщиком, которого вызвала леди Ипсвич. Больше тешить себя было нечем. Экипаж ехал по сельской местности. Генриетта перестала думать. События последних суток брали свое. Измученная, напуганная, смущенная, вся в синяках, она погрузилась в тревожный сон.

Проснувшись, Генриетта обнаружила, что экипаж замедлил ход. Похоже, он ехал вдоль реки, причем такой широкой, что сомнений не оставалось – это Темза. Она хотела потянуться, однако конечности свела судорога. Генриетта думала о том, что произойдет, если она покинет свое убежище, когда экипаж свернул с дороги и проехал через проход в изгороди.

Сердце девушки застучало быстрее и громче – казалось, его стук можно услышать. Следует ли ей и дальше прятаться или лучше покинуть убежище? Выпутаться из этой ситуации и попросить разрешения продолжить путь или пойти на риск, имея при себе скудные средства и почти не зная, где она находится?

Шасси накренилось, когда кучер спрыгнул на землю. Это был высокий человек. Генриетта мельком заметила бобровую шляпу. Он подошел к лошадям, повел их к воде и привязал. Либо теперь, либо никогда, пока он занимался лошадьми. Однако страх приковал ее к месту. «*Выбирайся из экипажа, выбирайся*», – уговаривала она себя, но конечности не слушались ее.

– Что за черт?

Одеяло слетело с нее, Генриетта уставилась на мужчину, нависшего над ней.

Высокий, смуглый и красивый, каким она запомнила его. Он глядел на нее, как на весьма нежеланную гостью. Как сегодня утром.

– Лорд Пентленд.

– Мисс Маркхэм, мы снова встретились. Черт подери, что вы делаете в моем экипаже?

У нее пересохло в горле, и она не смогла вымолвить ни слова. Отчаянно подбирала слова, но страх оказался слишком велик.

– Я не знала, что это ваш экипаж, – запинаясь, ответила она.

– Кому же, по-вашему, он принадлежит?

– Не знаю, – смущенно ответила она, чувствуя себя крайне глупо. Его изогнутые брови сдвинулись, придавая ему дьявольский вид. И угораздило же ее встретить именно его!

– Выходите.

Он протянул ей руку, храня строгое выражение лица. Генриетта хотела шевельнуться, но ее ноги затекли, а нижние юбки запутались в картонке. Издав нетерпеливый взглас, он потянул ее к себе. На мгновение она оказалась в руках графа, прижатая к его груди. Затем ее без лишних церемоний опустили на землю.

Картонка выпала из экипажа вслед за ней, содержимое – интимные личные вещи – рассыпалось по траве. Ноги Генриетты подкосились, она плюхнулась на землю рядом со своим нижним бельем и тут же расплакалась.

Рейфа, разозлившегося на то, что приютил безбилетного пассажира, охватило неумное желание расхохотаться, ибо Генриетта напомнила ему один из сентиментальных рисунков с изображением сирот. Собирая одежду, гребни, расчес-

ки и другие весьма потрепанные вещи, Генриетта запихивала их в картонку. Хозяин экипажа поднял ее за руку.

– Ну, перестаньте так шуметь, иначе какой-нибудь прохожий обвинит меня бог весть в каком ужасном грехе.

Рейф шутил, но этим лишь заставил свою удрученную спутницу разрыдаться еще громче. Сообразив, что она на грани нервного срыва, Рейф поднял одеяло и повел ее к своему излюбленному месту на берегу реки, усадил Генриетту и протянул большой квадратный кусок чистой ткани.

– Вытрите глаза и успокойтесь, слезы не помогут.

– Я знаю. Не стоит напоминать, я прекрасно знаю это, – жалобно причитала Генриетта. Она еще какое-то время шмыгала носом, прикладывала к лицу ткань и глубоко вздыхала, чтобы успокоиться, как он велел. К этому времени она не сомневалась, что выглядит страшно, щеки и нос покраснели.

Наблюдая за ее храбрыми попытками взять себя в руки, Рейф почувствовал, что его обычно спокойная совесть шевельнулась, а гнев улетучился. Очевидно, Генриетту выгнали с работы. А нелепая история о ворах-взломщиках стала причиной этого. Ясно, леди Ипсвич не поверила ей. Рейф на то и не надеялся. Видя перед собой это достойное жалости, уязвимое существо, Рейф почувствовал искренние угрызения совести. Большие шоколадные глаза Генриетты Маркхэм все еще были полны слез. Нижняя губа подрагивала. Даже столь тяжкое испытание, как целая ночь, проведенная без

сознания в канаве, не привело к слезам. Очевидно, произошло что-то очень серьезное.

– Расскажите мне, что с вами случилось, – сказал он.

Его дружелюбный голос чуть снова не вызвал слезы. Настроение графа переменилось, только что он сжимал губы от гнева... и вдруг... почти... она поверила, что он беспокоится о ней. Почти беспокоится.

– Ничего. Это никак не связано с вами. Я просто... пустяки.

Генриетта с трудом сглотнула и решительно уставилась на свои руки. Носовой платок графа был из чистого батиста с вышитыми в углу его инициалами. Она не смогла бы так красиво вышить их. Генриетта снова шмыгнула носом. Украдкой взглянув на него, заметила, что у него не гневные серые, а голубые глаза, губы сложены так, что немного напоминают сочувственную улыбку.

– Я так понимаю, леди Ипсвич вас уволила?

Генриетта сжала руки в кулаки.

– Она обвинила меня в краже.

Такого Рейф не ожидал. Хотя рассказ Генриетты звучал неправдоподобно, он ни на минуту не принял ее за воровку.

– Вы не шутите?

– Я говорю серьезно. Она заявила, что я сговорилась с вором-взломщиком, открыла сейф и разбила окно, чтобы создаться впечатление, будто в дом вломился вор.

– Сейф? Значит, то, что украли, представляло какую-то

ценность?

Генриетта кивнула:

– Семейные ценности. Изумруды Ипсвичей. Мировой судья вызвал сыщика с Боу-стрит. Леди Ипсвич приказала мне оставаться в моей комнате, пока тот не придет и не арестует меня.

Рейф смотрел на нее, не веря своим ушам.

– Изумруды Ипсвичей? Действительно богатый улов для обычного вора-взломщика.

– Вот именно. Дело пахнет виселицей. А она... она... обвинила меня... она... мне пришлось уйти, иначе меня бросили бы в тюрьму. – Голос Генриетты дрожал. Она несколько раз вздохнула и обуздала слезы. – Я не хочу в тюрьму.

Рейф стучал хлыстом по сапогу.

– Перескажите мне точно, о чем шел разговор, когда вы вернулись сегодня утром.

Прерывающимся голосом Генриетта рассказала все, стараясь не упустить ни единой подробности, затем заговорила с нарастающей горячностью, перечислив все поразительные обвинения, выдвинутые против нее.

– Не могу поверить в это. Я бы никогда, никогда бы не сделала такого, – пылко закончила она. – Не могла же я сидеть там сложа руки и ждать, когда меня поволокут в тюрьму. Невыносимо ждать, когда папе скажут, что его единственного ребенка держат в тюрьме.

– Итак, вы спрятались в моем экипаже.

Рейф прикрыл глаза. Генриетта не могла прочесть его мысли. Она никогда не встречала такого бесстрастного лица, которое могло в любой миг полностью измениться.

– Да, я так поступила, – робко призналась она. – У меня не оставалось выбора. Надо было бежать.

– Вы понимаете, что таким образом впутали меня против воли в свою маленькую мелодраму? Вы подумали об этом?

– Не подумала. Мне это не пришло в голову.

– Конечно, не пришло в голову, потому что вы поступаете так же, как и говорите. Разве я не прав? Вы ни о чем не думаете.

– Это нечестно, – с негодованием возразила Генриетта. Она знала, что Рейф говорил правду, но это обстоятельство само по себе вынуждало ее еще яростнее защищаться. – Это вы виноваты, вы заставляете меня нервничать. К тому же я не знала, что это ваш экипаж.

– Хорошо, что он мой. Вы понимаете, что могло бы случиться, если бы он принадлежал какому-нибудь проходимцу? – Рейф снова сжал губы. – Ах да, я забыл, ведь хуже бы не было, ибо сейчас вы оказались во власти повесы с дурной репутацией. Подумайте об этом, мисс Маркхэм.

– Я думаю, – выпалила она, разозлившись так, что была готова сказать правду. – Сегодня утром я куда больше находилась в вашей власти, лежа в вашей постели в нижнем белье, а вы делали вид, что можете делать со мной что угодно, но ведь вы не предприняли ничего, чтобы... чтобы...

– Чтобы что? – Рейф понимал, что он несправедлив к ней, но не мог ничего поделать с собой. Что-то в ней выводило его из себя. Глядя на нее, хотелось вытряхнуть ее невинность, но в то же время им завладевало противоположное чувство – защитить ее. Рейф ничего не понимал. Да и не пытался. – Что же в моем джентльменском поведении оскорбило вас, мисс Маркхэм? Вам хотелось, чтобы я поцеловал вас?

Лицо Генриетты густо покраснело.

– Я этого совсем не хотела. Мне было *приятно*, что вы не нашли во мне ничего привлекательного.

– Тут вы ошибаетесь. Совсем наоборот.

Рейф говорил насмешливо, на лице появилось почти хищное выражение. *Как он оказался так близко к ней?* Генриетта почувствовала его тепло даже сквозь складки пальто и платья. Хотя он и брился сегодня утром, она заметила небольшую щетину на его подбородке. Почувствовала, как стало трудно дышать. Или же дыхание участилось. У нее запершило в горле. Пульс забился с бешеной скоростью. Ей стало страшно. Точнее, опасения смешались с волнением. И по неведомой причине такое ощущение было приятным.

Генриетта не поняла, когда разговор успел принять такой оборот, лишь думала о том, что Рейф Сент-Олбен находит ее привлекательной. Хотя совершенно точно знала, что она не красавица. Мама была красивой и считала благом, что Генриетта не пошла в нее, ибо красота опасна. Она привлекает к себе непорядочных мужчин. Таких, как Рейф Сент-Олбен.

Генриетта не была опасной красавицей, но Рейф Сент-Олбен все равно проявил интерес к ней.

– Потеряли дар речи, красноречивая мисс Маркхэм?

Граф оказался в такой близости, что она чувствовала его дыхание на своем лице. Надо бы отстраниться, но она не смогла этого сделать. Не хотела.

– Я не...

– Коль скоро вы считаете меня дурным повесой, – хрипло сказал Рейф, – будет справедливо, если я оправдаю свою репутацию. А вы, моя прелестная спутница, расплатитесь за то, что воспользовались мною. Уже второй раз вы не оставляете мне выбора, лишь спасать вас. Я заслуживаю хотя бы какого-то вознаграждения.

Рейф не хотел так поступать, но, похоже, уже не мог сдержаться. Он даже не осознал степень соблазна, пока не поддался ему и не поцеловал ее. А ведь собирался лишь упрекнуть ее, слегка пожутив, но она на вкус казалась такой приятной, от слез и солнца источала такой аромат, а он еще не видел уст, так напрашивавшихся на поцелуй, что сам был наказан вспышкой непрошеного желания. Непреодолимого желания. Ее губы были пухлыми, розовыми и мягкими, точно созданными для поцелуев. Рейф скользнул своими губами по ее устам и снова поцеловал ее, точно разжигая аппетит. Когда же Генриетта не отстранилась, он игриво раскрыл ее губы языком и опять поцеловал, на этот раз очень-очень долго. Он совсем забыл, где находится, при каких обстоятель-

ствах они встретились, и отдался простому удовольствию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.